

P22
P63

П. С. РОМАНОВ
ДЕТСТВО

P2
P69

Пантелеймон Сергеевич РОМАНОВ

ДЕТСТВО

ПОВЕСТЬ
РАССКАЗЫ

Q-28500

ТУЛА
ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

Оренбургская областн я
библиотека им. Н. К. Крупской

рез которую из сырой весенней земли уже пробивалась нежная молодая травка.

Кругом синели и сверкали в утреннем блеске освобожденные из-под снега поля. Вверху свежо синело небо, а на нем четко вырисовывались красноватые ветви берез с надувшимися тройчатыми почками и пробивающимися туго сложенными пахучими листочками.

Было тихо. Концы полотенца, на котором стояла в семенах икона, едва колебались от слабого ветерка. А над головами едва заметно вились к небу два дымка: один — из кадиланицы с ладаном, другой — от папирос молодежи.

СВЯТАЯ МИЛОСТЫНЯ

Длинная вереница саней ныряла по ухабам. Ехали в город на базар. В передних санях сидела повязанная большим пуховым платком баба. Она так увязалась, что сидела, как кукла, и не могла оглянуться, когда ее окликали с задних подвод.

— Эй, тетка, тетка, остановись, маленечко, — крикнула ей сзади другая, ехавшая с малым, который, стоя на колесах в санях, дергал вожжи и стегал кнутом лошаденку, соввавшуюся во все стороны и боявшуюся лезть в глубокий снег, чтобы объехать передние сани.

Баба в пуховом платке, не оглядываясь, остановилась. Задние стали объезжать.

— О-о, матушки, Степановна, это ты, знать? — спросила задняя баба, у которой, кроме большого платка, лоб был повязан от ветра сложенным беленьким платком.

— Я, матушка.

— Федька, поезжай, а я к Степановне подсяду, — сказала задняя. Она выхватила из саней какой-то узелочек, догнала бегом сани и, повалившись в них, подмяла под себя полупшубок и села на пятки.

— Продавать везешь? — спросила подсевшая, потрогав рукой лежавший в санях мешочек.

— Нет, барыне своей везу ситничка краюшечку в гостинец.

— Что, ай плохо живет?

— И-и, не дай бог, как плохо. Барыня нежная, как соломинка, прежде работы никакой не знала, а теперь печку сама топит, чугуны таскает. Собралась я на покров в го-

род, и так у меня сердце об ней заныло, об сударушке моей, что мочи нет...

— И не говори, сама сначала три ночи глаз не сомкнула.

— Да... Заныло сердце, возьму, думаю, гостинчика ей. А она как увидела этот узелочек, так и заплакала. А я себе. Потом долго, долго смотрела на нас со стариком, и говорит ровно сама с собой:

«Что же, вы, говорит, наконец, за люди...»

А сама рукой за голову держится.

— Да сонинские ваши, говорю, матушка, ай не узнала, и даже испугалась: думаю, уж не умом ли помешата.

— Вы что ж, громили, что ль, свою?

— Громили, матушка. Вдрызг, можно сказать, все разнесли. Добро там какое переломали, какое перетаскали. Я вот только платок этот и успела ухватить. Только всего и добра ее, голубушки, у меня. Да и то взяла, чтобы плохим людям не достался. Ну, еще прежде, что сама давала.

— Безотказная была?

— Вот какая была, краля наша, приходи и проси, что хочешь. Ни в чем отказу не было, — сказала баба в **пуховом платке** и даже повернулась к собеседнице.

— Вот и я так-то везу своей. Тоже громили. Ну мы, можно сказать, все-таки хорошо попользовались.

— Ноги помоложе. А я куда на своих? — сказала баба в **пуховом платке**.

— Да, хоть и рвала не глядя что под руку попало, а и то все-таки хорошее добро набралось. Вот под зипуном шуба ее лисья. Тоже хороший человек. В иных местах гордые, не подступишься. А тут, бывало, придешь, она сейчас: «Попей-ка чайку, Ивановна». Все чаем меня поила.

Сани въехали в город. Потянулись заборы, заколоченные лавки, фонари, углы.

— Голубочка, поддержи вожжи, — сказала баба в **пуховом платке**. Она торопливо развязала свой платок и сунула его под веретё. Потом схватила узелок и побежала рысцой в калитку.

Минут через десять она вернулась. Глаза ее были заплаканы.

— Ну, что, — спросила баба с белевским платочком, передав ей вожжи и с тревогой глядя на нее.

— Прямо сил нет смотреть на такую жизнь, — отвечала пришедшая, плача и сморкаясь в уголок платка, которым была повязана. — Дрова сама колет. Спрашиваю на

дворе, где барыня, Алексеевна. А она сама и есть. Не узнала: платочком худеньким покрыта, в мужичьих валенках... Я как увидела ее, так и залилась...

И когда отъехали на некоторое расстояние от дома, она оглянулась, вынула из-под веретья платок и покрылась им.

— Потом пошли к ней в хибарку, ребятенки как увидели ситный, так глазенки и разгорелись. И ко мне-то кипулись, ровно другая мать пришла. Она отрезала им по кусочку, а сама села насупротив меня, припала к моему плечу и заплакала.

«Видишь», — говорит.

— Вижу, говорю, красавица моя бедная, золотая моя. Ну вот до чего... Господи... — Рассказывавшая замолчала, глотая слезы и отвернувшись. — Какой грех, какой грех... И откуда такое наказание, господи.

— Господь ее знает.

— А что ж, дом-то ее тоже разгромили?..

— Все дочиста, — отвечала баба в пуховом платке, нагнувшись и сморкаясь от слез через грядку саен.

— Голубочка, остановись, около того беленького домика, — сказала спутница и начала торопливо снимать с себя кафтан, потом лисью шубу. Она осталась в рваном полушубке и, схватив узелок, тоже побежала к калитке.

Баба в пуховом платке осталась ждать и рассматривала лисью шубу. Через пять минут та вернулась, утирая рукавом остатки слез.

— Ну, как?

Баба с беленьким платочком только молча махнула рукой.

— И она плачет и я плачу. Ну прямо, как сестру, ее увидела. Только и сказала ей: «Маточка! Болезная моя...» А тут глаза слезами застелило и слова не выговору.

— О, господи батюшка, Микола милостивый... — сказала, глубоко вздохнув, баба в пуховом платке, — и откуда такое наказание...

Обе призадумались и долго молчали...

ДОМ № 3

К двухэтажному дому с каменным низом и деревянным верхом подъехали на саних какие-то люди с ломami и топорами.

— По всей улице чисто Мамай прошел, — сказал один в овчинной шапке и в нагольном полушубке, оглянувшись назад вдоль улицы, на обеих сторонах которой то там, то здесь виднелись разломанные на топливо старые деревянные дома.

Приехавшие остановили лошадь и, отойдя на середину улицы, стали смотреть на дом и о чем-то совещаться.

Прохожие, посмотрев на совещавшихся, тоже останавливались, пройдя некоторое расстояние, и тоже смотрели на крышу, не понимая в чем дело.

— Чего это они выглялись-то? — тревожно спросила женщина, выбежав в платке под ворота из сеней.

Ей ничего не ответили.

— Черт ее знает, — тут и дров-то два шиша с половиной, ведь только один верхний этаж деревянный, — сказал человек в нагольном полушубке и высморкался в сторону, сняв с руки рукавицу.

— Чего вы смотрите-то? — крикнула опять женщина беспокойно. — Вот ведь окаянные! Подъехали ни с того ни с сего и вытаращились. На крыше, что ли, что делается?..

И она, выбежав на середину улицы, тоже стала смотреть на крышу.

— Что-нибудь нашли, — сказал старичок из прохожих, — они не станут смотреть, не такой народ.

— Крыша, как крыша, — говорила женщина в недоумении, — и бельмы таращить на нее нечего.

— На наших соседей так-то смотрели, смотрели, а потом — хлоп! Да всех в Чеку.

— Очень просто.

— Да что у них, окаянных, язык, что ли, отсох? — крикнула опять женщина. — У них спрашиваешь, а они, как горох к стене, ровно ты не человек, а какой-нибудьмышь.

Приехавшие докурили папироски и еще раз с сомнением посмотрели на дом.

— Какие только головы орудуют, — сказал человек в теплом пиджаке, — живут себе люди, можно сказать, и во сне не снится, вдруг — хлоп — пожалуйте на мороз для вентиляции.

— Ну, рассуждать не наше дело. Зря делать не будут. Инженеры небось все обмозговали. Наше дело — вали да и только.

— Против этого не говорят. А я к тому, что все-таки головы дурацкие: — Ведь вон рядом-то пустой стоит, раз-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66